

К столетию со дня рождения историка Саула Борового

«РАЗМЕНА ЧУВСТВ И МЫСЛЕЙ»

Из переписки С.Я.Борового с Ю.Г.Оксманом

Каждый из участников этого эпистолярного диалога — интересная и, несомненно, значительная личность. Юлиан Григорьевич Оксман (1895—1970) — широко известный литературовед, крупный знаток истории русской классической литературы. С 1933 по 1936 год он работал заместителем директора ИРЛИ АН СССР (Пушкинского Дома). В 1936 г. он был арестован (в третий раз!) и на несколько лет отправлен в «места, не столь отдалённые». В 1946–58 гг. Ю.Г.Оксман был профессором Саратовского университета; в 1958–64 гг. трудился в Москве, в ИМЛИ АН СССР, откуда на самом закате «оттепели» был уволен с мотивировкой: «за связи с антисоветскими элементами за рубежом и недостойное поведение», и по тем же государственным соображениям исключён из Союза писателей СССР. (См. о нем воспоминания Н.Белинковой-Яблоковой в «Егупце» № 9).

Саул Яковлевич Боровой (1903—1989) — доктор исторических наук, профессор, видный специалист по этнической истории, экономической и аграрной истории Украины и России, историческому краеведению, книговедению, истории культуры. Его научные интересы и занятия характеризовались удивительно широким диапазоном. Заметное место в его наследии занимают труды по истории еврейского населения Украины; достаточно вспомнить книгу «Еврейская земледельческая колонизация в старой России» (М., 1928), монографический очерк «Евреи в Запорожской Сечи...» (Исторический сборник. — Л., 1934), а также изданные посмертно брошюру «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации» (К., 1991), книги «Воспоминания» (Москва; Иерусалим, 1993) и «Еврейские хроники XVII столетия» (Москва; Иерусалим, 1997). Большую часть своей жизни он проработал в научной библиотеке и вузах Одессы. Впрочем, и в его трудовой биографии был вынужденный «антракт»: в разгар борьбы с «безродным космополитизмом» он был снят с работы, подвергался травле в печати и лишь чудом избежал ареста.

Их знакомство состоялось в 1920 г. в Одессе, где приехавший в черноморский город Юлиан Григорьевич возглавлял исторический архив и образованную тогда Комиссию по концентрации и изучению историко-революционных материалов. Юный С.Боровой пришёл к нему устраиваться на службу. Оксман изъявлял готовность принять способного юношу, но мешало трудовое законодательство: нельзя было зачислять на работу лиц, не достигших семнад-

цатилетия, а Боровому до этого рубежа недоставало нескольких месяцев. Только в начале 1921 г. будущего историка зачисляют на службу в качестве «члена-корреспондента» названной комиссии, и он попадает под начало молодого литературоведа.

Сотрудничество Оксмана и Борового в начале 1920-х годов было прервано внезапной и не слишком серьёзной размолвкой совсем юного «члена-корреспондента» и не выдерживавшего тяжести многочисленных постов молодого руководителя. С.Я.Боровой живо описал этот эпизод в своих «Воспоминаниях»¹. Спустя несколько лет они встретились в Ленинграде, где жил и работал Ю.Г.Оксман, и знакомство возобновилось, но вскоре прервалось, на сей раз не по их воле: Оксмана репрессировали. Следующая встреча состоялась лишь в начале 1950-х годов. Вот как описана она в мемуарах Борового:

«...В начале 50-х гг., во время очередной поездки в Москву, я, по обыкновению, зашёл в редакцию «Литературного наследства»... Во время моего разговора в маленькую комнату, которую занимала редакция, вошёл человек. Он внимательно посмотрел на меня. Мне тоже показалось, что в этом невысоком и худом человеке есть какие-то знакомые черты. Посетитель, подсев к столу редактора И.С.Зильберштейна, спросил его: «Кто это?» Услышав ответ, Юлиан Григорьевич бросился меня обнимать и целовать, он даже прослезился, и я тоже был очень взволнован. Конечно, трудно было узнать в этом худом, усталом человеке... пышущего здоровьем Оксмана, каким я его помнил. С тех пор наше знакомство перешло в дружбу...»².

Дружба эта продолжалась до самой смерти Юлиана Григорьевича; встречи друзей происходили и в Москве, где регулярно бывал Боровой, и в Одессе, куда несколько раз приезжал Оксман. Ко времени возобновления активных дружеских связей, относится начало их продолжительной и довольно регулярной переписки, хранящейся в РГАЛИ.

Началась она в нелёгкие для С.Я.Борового годы. На рубеже 1940—50-х годов в стране была развёрнута борьба с космополитизмом, как именовалась разыгравшаяся тогда вакханалия государственного антисемитизма. Совершенно ясно было, что профессор Боровой, еврей, беспартийный, автор множества работ о еврейской истории и культуре, не останется «без внимания» официальных идеологов и прочих компетентных органов. Сначала он потерял работу в Одесском пединституте, где заведовал кафедрой истории СССР, однако ещё продолжал оставаться профессором Кредитно-экономического института — единственным там доктором наук и профессором, чьё пребывание в штате позволяло ему именоваться «профессорско-преподавательским составом». В начале 1953 г., после опубликования официального сообще-

¹Боровой Саул Воспоминания. — Москва; Иерусалим, 1993 / 5753. — С. 95, 101, 103-105.

²Там же, с. 106.

ния о деле «врачей-убийц» он был отставлен и от этой работы. В областной газете появилась статья «Буржуазный националист под маской учёного», обличающая С.Я.Борового. Следующей акцией одесских органов должен был стать арест учёного, но, к счастью для него, по отечественной традиции на периферии даже такого рода кампании разворачивались с запаздыванием. Потеряв работу, С.Боровой сразу уехал в Москву, а оттуда — к родственникам жены в Клинцы (под Брянском), и когда в его одесскую квартиру явились компетентные люди, они не застали профессора. Пока отыскивали его след, умер «отец народов», отпала необходимость ареста, захлебнулась бесславная кампания...

Шлейф этой политической тенденции продолжал, однако, тянуться ещё некоторое время, особенно в городах, расположенных достаточно далеко от Москвы. Над С.Боровым в Одессе и на Украине ещё не скоро разошлись тучи. Борьба с космополитизмом как будто бы и завершилась, а между тем почти все люди, активно проводившие её, остались при своих должностях, сохраняя и свои предрассудки и своё рвение. Будучи тогда единственным в городе (крупном вузовском центре!) доктором исторических наук, Боровой был на какое-то время лишён возможности заниматься преподавательской работой. Его «родной» Кредитно-экономический институт сделал немало для того, чтобы помешать учёному пройти по конкурсу на должность профессора в университетах, экономических институтах или педвузах других городов, выдав ему очень двусмысленную, по сути, отрицательную характеристику.

Вот в эту-то пору прошла первую серьёзную проверку дружба Борового и Оксмана. Живший тогда в Саратове, Юлиан Григорьевич принял живейшее участие в судьбе своего коллеги и товарища, сделав попытку помочь ему с получением работы в Саратовском университете, также испытывавшем в ту пору острую нехватку специалистов высшей квалификации. Но, как абсолютно откровенно замечает в одном из писем Оксман, «наши нацисты предпочитают страдать, чем оскорбиться». В мае 1953 года немногие порядочные люди позволяли себе такую прямоту даже в конфиденциальных беседах, не говоря уж о почте!

В своих письмах Юлиан Григорьевич даёт другу практические советы, без экивоков резко отзывается о тех, кто продолжал, по сути, травить видного историка и мешать его трудоустройству, а значит, и жизни. «Всё было бы ничего, — писал он в Одессу в июне 1954 г., — если бы не эта безграмотная болтовня, которая Вашим кредитно-экономическим институтом выдаётся за «характеристику». С такой характеристикой (я в первый раз вижу такую расхлябанную характеристику — какой-то скверный перевод с арамейского на чувашский язык) трудно выступать в негосударственных учреждениях...» Переезд историка в Саратов не состоялся, через какое-то время он смог вернуться на работу в Одесский кредитно-экономический институт, а их дружеская переписка с Оксманом продолжа-

лась, и в ней затрагивались самые разные проблемы — от научных до глубоко личных.

Тёплые отношения и эпистолярные контакты не прерывались и в годы, тяжёлые для Ю.Г.Оксмана, когда одного из самых авторитетных знатоков истории русской классической литературы по сигналам с Лубянки уволили из ИМЛИ, перестали печатать, а имя его нельзя было даже упоминать в научной прессе. Что греха таить, тогда кое-кто из бывших сослуживцев и коллег явно отмежевывался от опального учёного. Этого никак не скажешь о С.Я.Боровом, который продолжал открыто гордиться своей дружбой с Ю.Г.Оксманом, в своих устных докладах (например, на конференциях пушкинистов Юга в Одессе и Кишинёве) подчёркнуто ссылаясь на работы друга, часто писал ему и виделся с ним.

Начало 1953 г. и вторая половина 1960-х годов — знаковые периоды в отношениях двух учёных. Достаточно переживший и перестрадавший, Ю.Г.Оксман без колебаний был готов протянуть руку старому товарищу, зачисленному ретивыми «идеологами» в «пособники врачей-убийц»; когда в жизни Оксмана наступил суровый период, его друг поддерживал с ним активную переписку, навещал в Москве, принимал у себя в Одессе. В область их личных отношений никакие мелкие, конъюнктурные соображения не допускались.

Оба учёных трогательно ценили сложившуюся дружбу и бережно относились к письмам друг друга, сохраняя их вне зависимости от объёма письма или повода для его написания. Собственно, благодаря такому отношению и сохранилась (увы, с неизбежными лакунами) их переписка. Конечно, в ней достаточно силён личностный момент: двое давних знакомых обсуждают события собственной жизни, вспоминают родных и общих знакомых. Притом нельзя не отметить высокий уровень доверительности и откровенности, которые встречаются лишь в переписке настоящих друзей. Как правило, обсуждаются в письмах также разные проблемы литературной и научной жизни, причём дружеские отношения не исключают подчас и принципиальной полемики по отдельным вопросам истории и литературы. У М.Ю.Лермонтова есть тонкое и ёмкое определение диалога, взятое братом Саула Яковлевича, писателем Львом Боровым, в качестве подзаголовка для своей последней книги о языке художественной литературы — «Размена чувств и мыслей». Именно такого характера диалог и наполняет переписку, избранная часть которой предлагается читателю.

Письма прежде всего отражают биографические перипетии каждого из эпистолярных собеседников. Впрочем, их содержательность определяется не только этим: через собственную жизнь корреспондентов входит в переписку их **время**, в высшей степени сложное и драматичное.